

Отступление о Головине

О ГОЛОВИНЕ АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВИЧЕ надо сказать подробнее - его судьба связана с заводом на протяжении четверти века. Головин родился в 1918 г. в Змеиногорске. В роду его не было камернеров, отец занимался выработкой сливочного масла на одном из многочисленных малых заводиков, которыми тогдашня колыванская округа была насыщена довольно плотно. То был взлет маслоделов-кооператоров, когда вкуснейший и ароматный продукт алтайских маслоделов, попадая в Европу через множество перекупщиков, выдавался ловкими торговцами за голландский или датский. Но этот преуспевающий бизнес никак не отразился на судьбе Александра Головина.

Когда ему было чуть более десяти лет, умерла мать. Мальчик какое-то время воспитывался у родственников, а позже оказался в детдоме. Как ни поливают сейчас демократы советскую власть, но она так называемых беспризорных собирала в детские дома и опекала до совершеннолетия. И образование человек получал достойное. Это сегодня - в самом расцвете всеческих свобод на рубеже веков - Россия докатилась до того, что по ней странствует и горемычет более миллиона бездомных детей! Александр Головин перед войной окончил техникум в с. Алтайском, стал дипломированным механиком.

Все это довольно скупо, сжато рассказала дочь Головина Галина Александровна. Она и сейчас преподает математику в колыванской школе, учила и учит внуков тех, с кем работал ее отец. Она почти ничего не говорила о своем отце как о директоре завода. Путь Головина до того, как он перешагнул порог камернерного завода, обычен для сибиряка. С 1939 г. армия и война. Шесть с лишним лет не снимал Головин форму танкиста, служил в Забайкалье, а в ноябре 1941 г. участвовал в том памятном параде, когда войска с праздника уходили на фронт. Награжден медалями "За отвагу", "За взятие Кенигсберга". А в 1946 г., в январе, водитель-механик танка Головин был принят на должность главного механика камернерного завода. Через год исполнял обязанности главного инженера, но завод в то время административно лихорадило, руководство менялось, и Головин даже в школу уходил преподавателем, а позже вернулся на завод конструктором-технологом. Но таких голов, как Головин, на заводе не хватало хронически, и его в 1949 г. снова назначили главным инженером.

Самое подробное представление о заводе, о его состоянии можно получить в момент смены начальства - прежний директор передает хозяйство новому. И в акте передачи - полное перечисление всего, что передается.

В ноябре 1953 завод принял Александр Андреевич Головин. Предшественника его И. Майорова уволили весьма скандально. Присланный взамен Кисилев Майоров Иван Иванович остался в памяти старожилов директором-душенькой, поскольку день начинал с неперменного стакана водки, и после такого приема никого старался не обижать, понеже пьяный будет всегда виноватым. На исходе 1951 года директор Майоров выехал по делам службы в трест "Русские самоцветы" в Ленинград. Приближался юбилей завода - 150 лет со дня основания. И Колывань затеяла небывалое дело - в работе была такая крупная ваза, коих не делалось последние лет семьдесят. Словом, надо было рылхить трестовскую рутину, готовить народ к торжеству. Майоров, видимо, был человек нетерпеливый и 150-летие начал праздновать с декабря, а завершил только в феврале 1952 г. Двухмесячный запой был прерван административно. Приказ по тресту гласит: "За исключительную недисциплинированность и аморальное поведение директора Колыванского завода тов. Майорова Ивана Ивановича освободить от занимаемой должности". Какое-то время хозяйством управлял очередной "врио", а уж потом вступил в права директора утвержденный в Ленинграде Головин.

К сожалению, акта передачи завода за 1953 год мне найти не удалось. По отрывочным сведениям, Головин получил в полное распоряжение утлое хозяйство. Прежде всего - полудохлую энергетику. До июня каждый год завод получал электричество с гидротурбины. Иными словами - пока был запас воды в заводском пруде, колеса крутились уверенно. Но к середине лета запас весенней силы иссякал. Заводу грозила остановка производства или сокращение его до минимума. И совсем нехотали были такие сокращения.

В 1955 г. Ленинградский завод по обработке камней-самоцветов перестал выпускать вставки в запонки. Начальство "Русских самоцветов" решило: отныне в запонки пойдут только колыванские вставки. В год надобно вставить 250 тысяч овальных и 100 тысяч круглых. И хотя на вид отдельная вставка - дело мелкое и пустяшное, однако же мороки с каждой вставкой немало. Особенно с точностью размеров. Отклонился на две десятых миллиметра от стандарта - брак! Бракованными вставками в запонки тех лет было усыпано русло речки Белой, рассекающей надвое заводской двор. Их с успехом подбирали и

десять, и двадцать лет спустя уже после того, как производство вставок прекратилось. В шестидесятые годы множество ребятишек, приехавших в Колывань на экскурсию из окрестных сел, из недалекого Рубцовска, приобщались к камернерному искусству и набивали карманы бракованной мелочью завода.

Впрочем, брачок интересоваля не только детишек. Визитеры из руководства треста, предприимчивые ленинградцы стоваривались с колыванцами и ящиками вывозили бракованный камень на ювелирный завод, чтобы за приличную мзду пристроить его к делу - запустить в поток производства и "наварить" на этом деньги. Такое и до сих пор в поселке вспоминают. Но вот бракованные письменные приборы, а их завод выпускал множество, в русле реки не валялось. Даже бракованные, они расходились подарочным путем.

А уж столов и начальников над Колыванью, начиная от Москвы и Ленинграда, возвышалось немало. И самое досадное - больно уж часто менялись не только столоначальники, но и ведомства, которым подчинялась Колывань. 22 июня 1957 г. грянула из Ленинграда телеграмма: "Немедленно передайте вверенное вашему руководству предприятие завод № 6 Алтайскому крайсовету депутатов". Вот с того дня и распоряжался заводом управление легкой промышленности края. Искусством камернерным руководят те люди, которым доверено заниматься отловом и засолкой рыбы, производством прочих продовольствий. Это на краевом уровне. А в Москве хозяин - Минмистром. В его ведении и производство гармошек по стране, и складные ножи, и поташ. Даже невские гвозди кует местпром. Но есть и предприятия, стоящие поближе к искусству. Хайтинский фарфор, например. Или янтарный комбинат в Прибалтике. На таком фоне Колывань смотрится предприятием не последним. Даже несмотря на то, что ни в одном документе тех лет - протоколы технических советов, разного рода совещаний, списки сотрудников завода, где перечислены все профессии от энергетика до ауденжатора, - нет ни единого упоминания о художнике на заводе. Последним дипломированным художником в Колывани был Алексей Иевлев. Но это 1947 год. А до самого 1978 г. на камернерном такой должности не существовало. Тем не менее графа "художественная продукция" встречается во всех отчетах.

Головин понимал довольно глубоко, что без творческого художественного импульса завод превращается в предприятие сугубо техническое. И, как мог, пытался повернуть дело на ту дорогу, которой шла Колывань в девятнадцатом веке.

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЕ у Головина проявилось еще в ту пору, когда он в 1948 г. занимал должность конструктора-технолога. Зимой 2002 г. мне удалось посмотреть в Курбинском районном архиве любопытные документы. Архивное дело, номер которого мне подсказала сотрудница заводского музея О. Панина, содержало в себе проект традиционного для Колывани изделия. "Ваза-цветок" имела довольно внушительные для тех времен размеры. И все тонкости технологии изготовления весьма сложной вазы в форме полураспустившегося бутона были проработаны до мелочей Головиным. Это был тот перекресток, на котором встречаются инженер и художник. Жаль, что это не стрижковский случай, точнее, не стрижковская судьба. Вполне художественный образ вазы был найден Алексеем Васильевичем Иевлевым. Накануне 2002 года мы разбирали его колыванский архив, и он подарил мне наброски и этюды тех лет. На маленьких, чуть более визитки, листках из записной книжки художник делал свои "почеркушки" - разрабатывал мотив цветка почти натуральных форм, не стремясь к обобщению. Но ведь это предстояло переводить в каменный материал! Задача невероятно сложная!

Кроме того, Головин был и свидетелем, и участником предъюбилейного дела, когда в 1952 г. старики-камернеры помогали молодым выгачивать составные части юбилейной вазы, оставив на время в стороне мелочь каменных пудрениц и запонков.

Думаю, что Головин на протяжении всего своего директорствования находился в противоречивом состоянии. И рад бы рвануть в небеса высокого искусства, да земные заботы крепче порыва. И в первую очередь не забывай - какой энергией будет запитываться завод. В Колывани, как и повсюду, не бывает худо без добра. В 1959 г. окончательно ликвидировалось хозяйство Колываньстройа. Камернерный завод получил в полное распоряжение его дизельную электростанцию.

Колываньстрой - статья особая. Об этом предприятии еще не рассказано в должной полноте. Тема еще ждет своего печальника. Здесь же необходимо заметить, что добытчики стратегического колыванского вольфрама на протяжении двух десятков лет изрядно поддерживали технически хиреющий камернерный завод. И даже умирая, Колываньстрой передавал свои силы камернерам. Хотя бы на время, но для завода проблема энерго-снабжения решалась. Но - это одна из многих забот. А другие?

...Людам, не представляющим, что такое

заводской организм, да еще оторванный от городских центров, от магистральных авто-трасс и железных дорог, трудно представить себе весь перечень забот главы предприятия. Вот, к примеру, передают Колыванский камернерный в ведение Горно-промышленного управления Алтайского совнархоза. Порядки новые. И новое начальство - ведь промышленность! - требует проекты на канализацию, вентиляцию и освещение рабочих мест. И Головин со своими технарями, имеющими подчас самое начальное образование или профессиональные навыки практического толка, занят этими проектами, а вдобавок к ним еще отчитывается - как будет строиться линия электропередач Лазурка - Колывань. Проект был до Колываньстройа. Но его уже нет - рудника. Надо тянуть до завода линию. И мощности совсем иные требуются. На заводе нет приличных мехмастерских - нужен проект. Нет склада технических материалов - нужен проект. Кому-то в управлении не нравится речка Белая - портит заводскую площадку, машина негде развернуться. Нужен проект закрытого канала. И Головин все должен обновить и обчитать. Да ведь он же не один на заводе. Рядом умный техник Апсеитов, даже камернерные станки конструирует. Но конечный результат всегда замыкается на руководителе. Хоть успех, хоть провал. Чего стоит одна только эпопея с дизелем марки Букау-Вольф, который с 1959 г. обеспечивал электричеством и весь завод, и весь поселок, сжигая при этом в сутки по бензовозу горючего. Кто был виновник аварии на дизеле - история умалчивает. Но беда случилась - лопнул картер дизеля. Картер надвое развалила продольная трещина. Несколько месяцев длились поиски запасной детали по всем окрестным рудникам. И в Усть-Каменогорск писал Головин, и на Акташский рудник - "Помогите!". Никто не помог. Нечем. Картер дорогой, в запасе не держим. Да еще импортный. Дело уперлось в переписку с Машиноимпортом СССР. А как без энергии жить? Дали наконец Головину адресок завода-изготовителя в Германии - в Магдебург поехали бьет директор: "Просим Вас оказать нам помощь и отгрузить в наш адрес картер дизеля", и номер по спецификации приводит.

Получила-таки Колывань запчасть немецкую, но и без электричества намаялась.

В этом месте надо сделать остановку. Все о технике, о железках разговор. Но есть еще люди - работники завода и их семьи. Вспомним век девятнадцатый, когда камернерзам вдруг отказали в провианте для членов семьи. В сентябре 1960 г. переподчинили Колывань горнопромышленникам, а как будет кормиться поселок - не подумали. И чуть было не осталась Колывань без снабжения. Директору пришлось пробывать в горнорудном управлении лимиты и фонды, вовсе для колыванцев не предусмотренные. Отказывался Змеиногорский продснаб выделять камернерзам сливочное масло, жиры и сахар. Головин поднял шум - всего может оказаться без продуктов 920 человек. Это семьи камернеров. А на заводе трудятся 230 человек. Кормильцы!!! Да вдобавок ко всему два года назад выяснилось, что ни одна из специальностей камернерзов в списке вредных профессий не значится!

Проще говоря, до 1958 г. официально считалось, что на заводе никто не может заболеть силикозом. Так решили врачи санитарной службы края, не удосужившись понюхать камернерного воздуха. Народ зароптал. Все списывали на военные трудности, но война давно миновала. И вот краевая санэпидемстанция засылает в Колывань своих спецов. Понюхали спецы воздух камернерный, прочихались и заявили - камернерзам требуются спецпитание и внимание, поскольку воздух над станками включает в свой состав много кремнистой тонкой пыли - более 40 миллиграммов в каждом кубометре воздуха этой пыли висит.

Словом, что ни шаг у директора по заводу, то новая забота. Ежедневно. Каждый день - букет проблем цветущий. Урал давно режет камень алмазом! А Колывань все еще шмурыгает по малоподатливому кварциту карборундом. Станки камернерные на заводе безнадежно устарели. Все новшества рационализаторские Апсеитова только позволяют теплиться производительности модельного оборудования. Подготовка мастеров - домашняя и без основ художественного понимания производства.

Казалось бы, получив станки и запасаюсь алмазным инструментом, Головин мог беззаботно мельчить алтайский и байкальский кварцит на бруски, тачать, как сапожник, рубашки из гранита для химического производства, памятники, наконец, высекать и жить себе припеваючи, от премии до премии. Однако же что-то мешало Головину жить беззаботно.

Оглядываясь из 2002 года на то время, я думаю, что Головин с приходом на завод пытался изменить его в силу своего разумения и способностей. Однако одностороннего действия не существует. Завод тоже менял Головина. В первую очередь нового директора меняла история Колывани камернерной. Каково ему уютно было, появляясь в Ленинграде по делам службы, разглядывать в свободный день эрмитажные коллекции самоцветных изделий. Ведь камень-то родной,

земляк. И в то же время отчужденный - сделано не тобой. Ну! Есть же ревность мужская, в конце концов. Вот он, я, директор Колыванского завода, того самого, на котором наши мужики сделали вот это вишнево-порфириное чудо, чудо яшмовое!.. И на каких станках? Да от того самого колеса вертели эти станки, которое на моих глазах выворотили из нефритовых подшипников вскоре после войны, и еще валяется оно; это колесо, под плотиной... И про алмаз те мужики не слышали. Наждаком работали... И до меня дела в Колывани вели Ивачев, Злобин, Лаулин, а всем начало положил сам Стрижков. И почему я сегодня, главная голова в Колывани, не могу дело поставить так же искусно, как мои предшественники?

НЕ БЕРУСЬ УТВЕРЖДАТЬ, что Александр Андреевич рассуждал именно так. Но в том, что и его, и всю шеренгу советских колыванских директоров, а их до 2000 г. насчитывается три десятка, такие мысли посещали, - в этом я не сомневаюсь. Проекты Страминова - тому подтверждение. Раздумывая иначе, Головин не искал бы встреч с московскими художниками. Я не знаю, при каких обстоятельствах он познакомился с московским Будановым, а распрощать некого, оба уже "присоединились к большинству". Вполне вероятно, Головина к этой встрече подтолкнуло решение крайисполкома 1959 года об увеличении выпуска художественных изделий на сумму 360 тысяч рублей. Для этого предписывалось брать заказы на уникальные изделия от органов Министерства культуры. Возможно, в коридорах власти над культурой директор и художник встретились в первый раз. Так или иначе, но с 60-х годов художник Буданов на заводе гость частый. И не бесследно.

Сергей Буданов не составлял грандиозных химерических проектов развития Колывани. Вазы, нарисованные им и принятые в производство, не поражают изяществом и совершенством форм. В меру грамотные проекты составлял Буданов. Но помимо этого он взвалил на себя огромную работу исследователя истории колыванских изделий. Тут нелишне будет напомнить, что в архиве краевым плавали и плавают разрозненные, отрывочные сведения по истории почти каждого изделия. Да еще и питерские архивы к этому прибавьте. Была, правда, еще "Книга каменных вещей...", обнародованная Н. Савельевым. Буданов принялся за историческое исследование судьбы каждой вазы, каждого торшера, каждого светильника. К тому времени уже была издана книга А. Макарова о цветном камне в Эрмитаже, вышла работа Е. Ефимовой о русском резном камне, не говоря о трудах А. Ферсмана. Поспорить Буданову было с кем, поскольку не все изделия колыванские были атрибутированы несомненно точно. Ошибки были и в авторстве проектов, и в датировке произведений. И вот Сергей Буданов принялся выстраивать более подробную и достоверную судьбу той вереницы изделий, которыми отмечен как самоцветными столпами путь шлифовальной фабрики сквозь благословенный девятнадцатый век. И все это оформлялось в виде большого сводного альбома изделий с соблюдением точной расцветки камня. Альбом и поныне хранится в Колывани.

Одновременно с уточнением биографии изделий назывались их современные адреса. Но и это не единственно важное.

Буданов попытался составить словарь мастеров-камернеров. Здесь без помощи Головина он вряд ли обошелся. Сделанная черновая работа - расспросы потомков, изучение архивов - все это бесценно для Колывани и по сей день, и в будущем.

Так вышло, что я давно знал, что меня через газету "Алтайская правда" разыскивает жительница Магадана Татьяна Свириденко. Мой туманный адрес: Алтай, Барнаул, ей подсказали в Эрмитаже. Поводом к разысканию послужила книга "Колывань камернерная" 1986 г. Газета свела нас на почтовом уровне. Выяснилось - Свириденко имеет прямое отношение к старому камернерному роду Воротниковых! Вон куда судьба потомков забросила - в Магадан. Но и оттуда на материк удается выехать. И вот летом мы встретились со Свириденко в Барнауле. На крыльце моего жилища по ул. Пушкина лежал большой кусок ревневской яшмы, и это для гостей заменило верительную грамоту - пришла к тому, кого искала. Татьяна Свириденко (Воротниковой) хотелось уточнить многие подробности своего камернерного рода. Двумя годами раньше она прислала мне из Магадана фотографию 1914 г., на которой был запечатлен второй день свадьбы Павла Воротникова и Евдокии Поднебесновой. На снимке вся поднебесновская и воротниковская родня. И всех почти знала по имени-отчеству их магаданская наследница, но вот кто был причастен к истокам рода камернерного больше, а кто меньше - это предстояло выяснить. Замечу сразу - родом Воротниковых я специально не занимался. Я проследил только род Стрижковых, чтобы снять одно ошибочное утверждение, - Иван Стрижков является прямым наследником Филиппа Стрижкова.

(Окончание следует)

Отступление о Головине

ТОГДА-ТО ПРИ БЕСЕДЕ с Татьяной Свириденко я и вспомнил о разысканиях Буданова. Добралась она до будановского "Словаря колыванских мастеров". Нашлись у него такие имена, которых даже родственники не знали. До самого корня родового докопался историк - до Трофима Никитича Воротникова, родившегося почти в год основания фабрики - в 1803 г., а ко времени обработки "Царицы ваз" Трофим Никитич уже считался мастером высокой руки и дал несколько ветвей камнерезного потомства, среди которого надо не забывать и Харлампия, и Тита, и внука Трофима - Александра Титовича. Там, в будановском "Словаре мастеров..." (смотри приложение к этой книге), редкий нынешний колыванец-старожил не найдет своих корней! И, конечно же, Головин мимо этих поисков пройти не мог. Воспитание историей продолжалось. Имена старых камнерезов были еще, подобно легенде, на слуху.

Но, увы. Оглянись, Александр Андреевич. Кто у тебя нынче на заводе? Из родовых камнерезных фамилий - кто? Поднебеснов, Митин, Тихобаев, Усов. Это потомки мастеров в третьем и четвертом поколениях. А на заводе работает почти две сотни людей. Да и чем они заняты? Тоннами, десятками тонн, даже иногда вертолет привлекают, везут и несут на завод неповторимый белочит и ревневскую яшму, чтобы искромсать крупные глыбы до размера вставки в запонку? Великое искусство. Искусство истребления уникального сырья. При таком отношении назвать белочит самоцветом что-то язык не поворачивается.

В 1959 г. Головин получил очередную головоломную телеграмму из Ленинграда. По распоряжению треста камни для ювелирных изделий были неожиданно сняты с производства. С одной стороны - хорошо. Камень не надо крошить. С другой - беда! Весь завод настроен на запонки, катастрофа для экономики завода. Через год все вернулось к прежним заказам. И среди продукции завода, среди "главнейших изделий" - такая графа в справке Головина особо стоит, числились: спиннинговые кольца - на 49 тыс. руб., художественные изделия - на 95 тыс. руб., бруски из белочита - на 165 тыс. руб. План по кольцам выполнен на 141 процент, по брускам - на 99,4, по художествам - на 101,4 процента!

А в это время из алтайских камней в Ленинграде на заводе "Русские самоцветы" готовились художественные изделия на международные ярмарки в Лейпциг и Багдад.

...Никто не помнит нынче о тех колыванских художествах, кроме пожилых исполнительниц чьей-то слепой воли.

И тем не менее в 1968 г. на заседании художественного совета завода было решено разместить участок производства художественных изделий в недавно построенном одноэтажном здании и выпускать там: каменные шары, шкатулки, рамки и надгробные памятники трех размеров.

Интересный колыванский документ удалось прочитать мне в заводском архиве. В 1970 г. к 100-летию Ленина колыванцы проводили конкурс на лучший сувенир к юбилею вождя. Годом раньше от директора павильона РСФСР на ВДНХ тов. Удачина приходило на завод письмо с просьбой - представьте для украшения интерьера квартиры художественные вещи. На выставке показывали быт простых советских людей. Нечего было послать заводу на выставку, разве что письменный безобразный прибор из угнетенной ревневской яшмы. Но на письмо Головин росчеркнулся решительно: "Апсеитову и Тихобаеву! Отобрать самое лучшее!" Но вернусь к конкурсу. Представлено было с десяток образцов заводского творчества. Победил сувенир Сумароковой - "Книжная полка". Но даже победительница подверглась аналитической критике: "...полочка с книгами слилась со знаменем: надо убрать цифры с книг (камень изображал тома собрания сочинений В.И. Ленина. - А.Р.): надо заменить надпись - не Ленин, а Ульянов. Изделие является канцелярской принадлежностью, т.е. имеет кабинетное назначение и делается менее доступным для широкого потребителя. Надо выстер и луч "Авроры" сделать одинакового цвета. Силует "Авроры" слишком мрачен..." И все это на полном серьезе, под протокол, обсуждалось на высшем совете в Барнауле - в управлении местной промышленности.

В том году я побывал на заводе впервые. Наша Чарышская геологическая партия ра-

ботала рядом - лагерь стоял на стрелке Белой и Чарыша. И мы повезли студентов в Колывань показать им завод, да и самим посмотреть совсем не вредно. Хорошо помню те сувениры, те "Книжные полки", запущенные в тираж. Наши студенты книжным полочкам предпочли сувениры в форме грибочков. Наловчились женщины в камнерезке делать такие крепкие мухоморы со шляпкой из вишневого порфира и на белой мраморной ножке. А поляна, на которой произрастал камнерезный мухомор со шляпкой из бракованного кабошона, делалась из ревневской яшмы.

Тогда я и сделал для себя открытие - оказывается, даже красивый камень только обезобразить. И не только обезобразить, но и унижить.

Экий хитрец запоздалый! - скажут мне. Хорошо наводит критику издалека. Ерничать, когда разрешили. Иронизировать. Умок выкривлять.

Согласен. Нехорошо это - в начале 2002 года говорить о трагедии камнерезного дела, которая миновала. Но масштабы трагедии каковы?! Еще А.Ферсман в 20-е годы оценивал тонну белорецкого кварцита в тысячу червонцев! А Колыванский завод, по данным 1963 г., ежегодно потреблял по 400 тонн белочита! Выход полезного сырья - 20 процентов, т.е. в год требовалось до 800 кубометров красивой глыбы. А выход готовой продукции - колец и брусков к массе завезенного камня - от 5 до 7 процентов.

Издалека - из сегодня - ой как видней гримасы того времени.

Ерничай не ерничай, но сегодня Белорецкого месторождения кварцитов в природе не существует. Его распилили на запонки и кольца для спиннингов. А то, что находят на бывшем месторождении, - жалкие остатки.

КОНЕЧНО ЖЕ, Головин был бессильен противостоять той трагедии. Он был скорее вынужден послушным ее участником. В 1968 г. работник партийного аппарата А.Кусков сменил никому не известного С.Ботова на посту директора Колыванского завода. Головин с 1965 по 1969-й работал в совхозе. Одним из первых деяний Кускова было заключение договора с руководством исправительно-трудовой колонии в Змеиногорске. Кусков решил расширить камнерезное производство и открыть участок за колючей проволокой. ИТУ змеиногорское выделило 50 заключенных, и они должны были выработать бруски, пепельницы и ступки. Чем завершилось это расширение камнерезного фронта - мне неизвестно. Но в змеиногорскую колонию сажали надолго. И как нынче припоминают старожилы - заключенные откровенно не хотели становиться камнерезами. Кусков продиректорствовал пять лет. Единственный заметный след, оставленный им на заводе, - это установленный памятник воинам-колыванцам, погибшим на Великой войне 1941-1945 гг. Кускова сменил на этом посту А.Головин. Вернули его на завод.

Было бы несправедливо совершенно утверждать, что Колывань вообще не предпринимала никаких движений для выхода из бедного колеса проблем, в которое ее загоняло из года в год краевое руководство. Еще в 1963 г. Головин в Москве на совещании Экспертного совета по состоянию сырьевой базы предлагал провести ревизию всех месторождений, известных с основания фабрики, оценить новые и в первую очередь - месторождение мрамора на реке Белой. И в этом был свой расчет. На том совещании присутствовали организации, в цветном камне заинтересованные: Минторг, Академия архитектуры и знаменитый Метрострой. Торгаши упрекали камнереза: "Где ваши изделия? Продавать нечего..." Головин хитрил и отговаривался - техника слабая, и нажимал на основное - на заводе нет художника. И в самом деле, завод мог платить художнику зарплату 90 рублей, а это было не по нраву московским творцам прекрасного. "Да я готов хоть весь паротурбинный цех освободить под художественный цех. Это же бывшая колоссальная фабрика! Там площадь - 270 квадратных метров. Это сорок рабочих мест для

Александр Головин.
Фото 60-х годов.

художников. Дайте возможность хоть какого-то москвича принять на оклад 100 рублей. Пусть себе сидит в Москве и рисует. Так делают другие художественные заводы. На Дулевском фарфоровом так поступили. Художник живет в Москве, но работает на Дулево, и заводские заказы прибывает всюду. Дайте художника..."

Не дали Головину художника. Но на том совещании вопль директора колыванского о каменных богатствах Алтая услышали метростроевцы. Колывань вовлекла в обработку не только залежи воскресенского цветного мрамора. На нем

Метрострой давно поставил крест - слишком мелкие блоки, а им подавай большие плиты, всем извест в размах подземных дворцов московских. На Алтае под шлифовальным инструментом уже заиграли своим рисунком и цветом мраморные глыбы из Пуштулима и Орокоты. Колыванский завод выдавал в год более тысячи квадратных метров облицовки. Головин отправил свои образцы в управление Метростроя. И оттуда за подписью начальника А. Кирсанова 10 июня 1963 г. не замедлила явиться телеграмма: "О вашем согласии просим ускорить ответом". Головину давали понять - Метрострой готов стать партнером Колывани. Но в каких масштабах! Масштабы были таковы, что Колывань с ее рукодельной и допотопной техникой и по сей день бы пилила тот заказ. Метрострой для Колывани не подходил по калибру. Для соответствия требовалось развитие карьерного хозяйства и оснащение завода новыми большими станками.

Начальство краевое нашло выход. Отдвинуло Колывань от московского заказа в сторону, оставив ей роль сувенирного приклада, а на краевой территории - на Пуштулиме и в Орокоте разрешило работать Московскому управлению карьеров. Москвичи хозяевам мраморных залежей платили всего-навсего десятину, т.е. оставляли в крае только долю добытого и распиленного камня. И вот спустя много лет после тех событий в 80-х годах я слушал похвалу одного из управителей края о том, что алтайским камнем украшены стены станций Московского метро и Олимпийский дворец.

Прочитали тогда, в 1963 г., не только заказ метростроевский, но нечто более важное - финансирование и развитие Колыванского завода и перевод его в статус полноправного партнера в строительстве крупных объектов Госстроя.

Коли уж пошел разговор о возможностях упущенных, то можно вспомнить и еще одну подробность. В середине 1973 г. среди писем Головину появились подобные послания московского профессора А.Смолина.

Смолин когда-то изучал цветные камни и готовил к изданию книжечку "Яшмы Урала и Алтая". Ради переиздания попросил выслать ему образцы алтайских камней. Обещал - после издания образцы будут переданы в музей землеведения МГУ. Но это был утешительный заезд, как говорят на ипподроме ездокам проигравшим. Несколькими раньше Смолин буквально "бомбил" Головина письмами. В одном из них читаю: "Пришлите камни для А.Н. Косыгина - он посмотрел коллекцию уральских яшм и изделий: дал распоряжение о создании треста поделочных и ограночных камней..."

Удалось ли Смолину показать Косыгину алтайские камни - об этом документов не нашлось. Здесь важнее отдаленная переписка с событиями XVIII в. Вспомним начало камнерезного дела на Алтае. Что этому предшествовало? Царедворец Соймонов представил наши самоцветы императрице.

НЕ НАШЛОСЬ в 60-70-е годы среди высоких краевых начальников своего Соймонова, способного через верховные кабинеты дать Колывани второе дыхание. А на домашнем, на краевом уровне ей, было дело, отвели вроде бы роль почетную - пилить гранитные плиты для памятника Ленину в Барнауле. Вокруг этого заказа в Колывани было много раз-

говоров. Да и не только в Колывани. Даже газета "Труд" в июне 1961 г. с пафосом рассказывала: "Ведутся работы по созданию памятников великому вождю в Зауралье и на Дальнем Востоке. Особенно интересен монумент, воздвигаемый в Барнауле архитектором Б. Иафаном и молодым И. Бродским. Высокий постамент, окруженный широкими лестничными сходами, как бы подготавливает стремительное движение фигуры..."

Стремительно двигаясь, фигура с 1967 г. стоит на том месте, где ее установили строители. Да вот беда - к 2001 г. она пообветшала, особенно постамент. Инженеры бывшего Алтайгражданпроекта даже составили заключение - постаменту под фигурой угрожает температурный разрыв, в швах и стыках плит скапливается вода, и плиты расходятся. Но это сейчас.

А тогда воодушевленные колыванцы штурмовали гранитную каменоломню. Головин 14 июня 1960 г. телеграфировал в Крайлетпром Иванову: "Добыче гранитных блоков памятника Ленину приступили первого июня т.чк Заготовленные блоки весом 8 тире 10 тонн нечем перемещать пределах карьера. Прошу ускорить выделение заводу двух тракторов также стального троса. Установки оборудования необходимо цемент..."

Через три месяца постановлением бюро ЦК КПСС по РСФСР строительство памятника Ленину в Барнауле вдруг решено было остановить. А для колыванцев в 1961 г. это была не остановка, а полное прекращение работ по плитам для памятника. И директор завода приказал мастеру гранитного участка М. Барило остановить распиловку блоков, освободить помещение от уже готовых плит. Можно было бы кратко сказать об этом - заказ опять ускользнул. Но у каждого дела или события есть свои невидимые миру пружины.

Мелькнула в документах завода фамилия представителя Барнаульского горисполкома Мельникова. Анатолия Ивановича многие помнят по его долголетней работе в Барнауле председателем горисполкома. Я позвонил Анатолию Ивановичу и спросил - помнит ли он те события?

- Тогда работал заместителем председателя. В 1954-м, когда я пришел на работу в исполком, мне было 26 лет. Тогда я вел строительное хозяйство.

- Значит, и в строительстве памятника ваша доля?

- Решение о памятнике относится к 1958 г. Ждали в Барнауле самого Иафана - автора проекта. Он тогда был очень знаменит, Иафан. Но приехал молодой Бродский. Вот мы с ним и выехали на завод в Колывань, карьер смотрели. Словом, определялись на месте. Несколько дней все изучали. Привезли в Барнаул свое мнение - заводу надо помочь. Техника, станками - в первую очередь. Но завод весьма слаб и заказ едва ли потянет.

Тут Анатолий Иванович сделал паузу и предположил:

- А может быть, Бродскому наш серый гранит не понравился... Секретарем крайкома тогда был Пысин. Он очень хотел, чтобы камень был именно алтайский. Бросились даже станок на "Трансмаше" конструировать. На скорую руку сделали, но в работе он себя не показал. Волей-неволей Пысину пришлось согласиться, так как сроки поджимали, что камень на постамент придется везти с Украины.

Вот так невесело, но точно поведал мне Анатолий Иванович подробности тех лет.

Все вышло так, как решил Пысин. Колыванцам в очередной раз не дали внести свою лепту в дело. Некогда было оснащать завод карьерной техникой, никто не стал искать по стране камнерезных станков. Надо было поспевать с памятником к очередному юбилею революции. Поспели к 1967 г.

Александр Андреевич Головин в той ситуации сделал для Колывани свое дело. Под памятник, точнее, под шум о его строительстве, пробил деньги, материалы, и с конца 1960 г. начал новый корпус завода, а в 1964 г. завершил и вдохнул в него жизнь. Все повторяется. Вспомним: Стрижков в 1807 г. мечтает о колоссальной фабрике, а строит ее Лаулин только в 1820 г. Страмцов в 1936 г. грезит обновлением завода и закладывает цех, но достраивает его Головин, и только через 28 лет.

С 1964 г. производство почти полностью переместилось в новый цех, оставив стрижковский корпус. Он требовал очередного ремонта.